

Дерманхана для ишака

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Дерманхана для ишака ДЕРМАНХАНА ДЛЯ ИШАКА

Ударили меня очень сильно. Похоже, прикладом по затылку. Перед глазами ярко полыхнуло, и я грохнулся оземь.

Очнулся от боли. Удар в ребра. И следом – злобное:

-Дерман где?! Куда, сука, дерман дел?!

Сапог чекиста-ОГПУшника Васина прижал мою голову к горько-соленому песку.

Поморщившись от боли, я поднялся:

-Я ведь говорил. Вы послали нас отвезти лекарство на стойбище. Отдать Оразгельды. Сказать, дерман для ишака. Со мной послали переводчика Гельды. Из нашего эскадрона.

Васин медленно достал из деревянной кобуры маузер:

-Аманов сказал, что ты не довез лекарство. Туркменам отдал! Так?! Говори, сука!

-Да, так. Перед стойбищем, около первой юрты, мы увидели туркмен. Они стояли, смотрели на корову. Корова лежит и не двигается. Женщины плакали. Гельды у них спросил, что случилось. Они сказали, корова умирает. А корова – единственная у бедняка. А детей много. Кормилицей корова была. Я решил помочь. Достал Ваш пакет с лекарством, отсыпал.

Васин злобно прищурился:

-Помог, сука?

-Да уж, помог! – вздохнул я. – Туркмены отдали порошок мальчику, чтобы он сбегал в юрту и насыпал в чашку с водой. В юрте его брат стал кричать, что это шекер, то есть сахар. Попробовал языком. А потом у него пошли судороги. Сильные судороги. Мальчик умер.

Васин скривил губы в злобной ухмылке:

-Дурак ты, красноармеец! Это дерман – для врага! Цианистый калий! Слыхал, придурок?! Мы здесь – дерманхана для ишаков, то бишь аптека! А ты, сука, операцию нам сорвал!

Повернувшись к охраннику, он приказал:

-В зиндан его, суку! Завтра расстреляем, если брешет! Именем трудового народа! Аманова – ко мне! На допрос!

В темном сарае, оставшемся от бывшего царского пограничного поста, я улегся на холодный песок и пригорюнился.

Чего я забыл в этих туркменских песках, далеко-далеко от родного тихого Дона?! Ведь нынешний 1925 год стал для меня необычайно счастливым: я срубил курень, на баз пустил овец, посадил яблонки. А самое главное, моя жинка родила дочку! Ну и должность у меня была солидная – секретарь комитета комсомола нашего колхоза «Путь Ильича» в станице Березовской. Ну и бригадиром меня назначили.

Что еще нужно для счастья?

Ответ на этот сакраментальный вопрос дал секретарь райкома компартии товарищ Цветков. В октябре вызвал меня:

-В Гражданскую ты где воевал?

-В кавалерийской дивизии Миронова! Вы же знаете! – удивился я вопросу. Вы ж мою биографию знаете.

Цветков улыбнулся:

– Не ершись! Ты не забыл, с какой стороны на коня садиться? Команды не забыл?

-Как такое забудешь? «Пики – к бою! Шашки – вон!»

-Молодец! Райком партии направляет тебя на борьбу с басмачеством. В Туркестан!

Я похолодел. Все мое счастье, обрушившееся на меня в один счастливый год, рушилось на глазах.

Заметив мое смущение, Цветков повысил голос:

– В Туркестане активизировались банды басмачей! Цель – свержение Советской власти. К переходу границы готовится крупная банда Ибрагим-бека. Для ее ликвидации необходимы дополнительные резервы. Такой резерв приказано набрать среди опытных бойцов Гражданской войны. Уловил суть?

– Так точно, уловил! – приложил я руку к фуражке.

-Вот и добре! С собой берешь своего друга Егорова. Он ведь пулеметчиком служил?

-Так точно!

– Завтра okazji едете в Сталинград. Там – формирование отряда. И пароходом – в Астрахань. Все понял?

В Сталинграде нам выдали военную форму, кавалерийские карабины, маузеры, шашки. Позволили самим выбрать коней. После трехдневных полевых сборов, со стрельбами и кавалерийскими атаками, поезд увез нас в Астрахань. Оттуда на барже по Каспию – в Красноводск. И железной дорогой через пустыню Кара-Кумы – на станцию Кизил-Арбат.

В Арбате нас разделили на эскадроны и поставили боевую задачу. Задача была необычной: каждому эскадрону прикрывать специальную подвижную чекистскую оперативную группу. Именно эти группы должны были находить и уничтожать басмачей. Для поиска врага в каждой группе ОГПУ были агенты из местных.

Наш эскадрон должен был сопровождать опергруппу ОГПУ в район аула Шарлоук. Там планировалась какая-то большая операция.

Мне было странно слушать речи командиров. Ведь они говорили, что никаких басмачей в районе ниже Кизил-Арбата нет. Все банды, хоть и редкие, действуют вдоль железной дороги в пустыне Кара-Кум. И никогда еще не выходили к государственной границе в нашем гористом районе.

Этими сомнениями я поделился с переводчиком Гельды Амановым, которого нам дали.

-Нам же лучше! Стрелять не придется! – усмехнулся он.

Аманов был комсоргом Кизил-Арбатского железнодорожного депо. Хорошо знал не только туркменский и русский языки, но и фарси. Гельды понравилось, что я начал изучать туркменский язык. -Ай, берекелла (ай, молодец)! – похвалил он. – Буду твоим мугаллымом (учителем).

Кроме основ туркен дили (языка), Аманов сообщил много ценного для общения с местными жителями:

-У нас сейчас не двадцать пятый год, как в России! Запомни это! Здесь – всего лишь 1344-й год. Когда говоришь с местными, всегда это помни! Представь, что ты оказался в Киеве в вашем 1344 году. Представил? Феодализм тогдашний представил? Начни там говорить о коммунизме, никто не поймет! Так и здесь не понимают! Даже закона здесь нет, тем более – чужого. Здесь все живут по Адату, обычному праву туркмен.

В качестве подтверждения своих слов Гельды указал на белеющий в скалах мавзолей:

-Это мавзолей Парау-биби. Была такая красивая девушка. Враги хотели убить весь ее род. Поэтому девушка с братьями ушла в горы. Но враги окружили их. Парау-биби начала молиться и просить горы расступиться. И горы расступились, пропустили людей. А потом закрылись. Теперь Парау-биби святая. Многим помогает.

Гельды вообще-то знал много легенд и поверий. Рассказывал их. Но политические темы трогал с осторожностью. Боялся.

Когда ОГПУшник Васин вручал мне пакет с «дерманом для ишака», Аманов знал, что это – сильнейший яд. Но молчал.

Молчал, когда умер мальчик из стойбища.

Молчал, глядя на меня.

Я, пораженный смертью парнишки, раскрыл пакет с порошком и взял щепотку. Хотел попробовать на вкус этот странный сахар. Резким ударом Гельды выбил у меня пакет. Второй удар пришелся на ладонь с лекарством.

-Быстро уходим! Это – яд! – крикнул он, взлетая в седло. – Потом объясню!

Он, конечно, пытался выгородить меня. Сказал, что конь дернулся, и пакет унесло ветром. Однако чекисту Васину этого было мало. Крови жаждал.

-Какая корова, какой бедняк? – злобно орал он.

Я, бывший батрак, это хорошо понимал. Перед революцией, в 1915 году, у нас так же сдохла корова, единственная наша кормилица. И пришлось мне, пацану, вместе с тремя младшими сестренками идти в батраки. Тяжелый нищенский труд! Горе-горькое!

Сидя в пыльном зиндане, я вспомнил те горькие времена. Достав кисет, подаренный женой, насыпал махорки в газетный огрызок. Но цыгарку скрутить не успел.

Снаружи послышались шаги. Затем – лязг засова:

-Ильин, выходи! Бегом к командиру!

Оказалось, ОГПУшная оперативная группа ушла на задание. Выяснили от своего агента, что готовится прорыв большой банды в Иран, и устроили в ущелье засаду.

План был прост. По обе стороны узкой горной дороги выставить пулеметы, укрыть среди камней. Когда банда втягивается в ущелье, пулеметчики открывают огонь. Басмачи разворачиваются,

пытаются уйти. Но сзади их ждут еще два пулемета и кавалерийский эскадрон. Кого не настигли пули, режут шашки эскадрона.

В этой операции нашему эскадрону отводилась роль резерва. На тот случай, если басмачи окажут ожесточенное сопротивление, и чекистов прижмут к скалам.

Рано утром нас подняла команда «По коням!».

Мы ворвались в ущелье, готовые к бою.

Но звуков боя не слышали. Среди убитых верблюдов, ишаков, лошадей лежали убитые туркмены в поношенных халатах. К моему удивлению, мужчин там было всего трое. Остальные – женщины и дети.

Убитые верблюды были нагружены домашним скарбом и разобранными войлочными юртами. Невдалеке испуганно замерли отары овец.

Среди этого апофеоза войны деловито шнырял чекист Васин с маузером наизготовку.

- Шевелится, сука! – ухмыльнулся он и выстрелил в чуть зашевелившийся маленький цветастый комок.

- Это же маленькая девочка! – воскликнул я.

Васин мрачно зыркнул на меня:

– Ублюдки это! Вырастет враг народа, начнет стрелять!

Васин еще раз нажал на курок. Ткнув сапогом в лежащую рядом женщину, он выстрелил в голову:

- Сладкой жизни захотела?! Вот тебе сладкая жизнь!

Оглянувшись на меня, он осклабился:

– Это – предатели Родины! Все предатели. За рубеж захотели. Сладкой жизни, суки, захотели!

Гнев полыхнул в моей голове, еще больше усилив боль от вчерашнего удара. Я инстинктивно выхватил из кобуры револьвер. Увидя на моем лице страшное гневное выражение, Гельды подскочил и схватил меня за руку:

- Пойдем, командир зовет!

Пока мы шли, ведя коней в поводу, Гельды негромко пояснял:

- Не удивляйся, что басмачей убитых не видишь. Вопросов не задавай! Понял? Это не банда. Это скотоводы гнали отары овец на зимовку в Иран. Там теплее, есть трава. Так было всегда. Весной отары перегонят обратно сюда. А зимовать надо в Иране.

По-другому выжить нельзя. И здесь, и в Иране – все одна туркменская степь «Сяхра». Люди сто лет кочуют туда и обратно. Видя мое удивление, Аманов повторил:

-Только не говори это никому! Сразу в зиндан попадешь, а потом – расстрел. Не подводи меня! Я тебе ничего не говорил! Ягши? Хорошо?

Разговор этот крепко засел у меня в голове. Крепко засел беспомощный вид окровавленных расстрелянных женщин, стариков, детей.

Я, много чего видавший в годы Гражданской войны, был потрясен. Такого я не видал!

Сразу представилось страшное: вместо убитой женщины-туркменки и ее маленькой дочери – моя жена Ульяна. Лежит она, убитая, под сапогом оккупанта на окраине станицы Березовской.

Враг, ухмыляясь, плюет на нее и втыкает штык в мою родную дочку. Бр-р-р!

Эти тяжелые мысли да гудящая голова заставили меня поморщиться и зашипеть. В седле я сидел так криво, что подъехавший на тачанке Мирон крикнул:

-Петро! Давай ко мне! Командир разрешит!

И точно, командир разрешил взаимозамену. На парочку дней меня назначили к Мирону помощником пулеметчика. Чтоб отлежался в его тачанке, поберег свою дурную голову.

На следующий день Васин решил использовать наш эскадрон в засаде самостоятельно. Обкатать, так сказать. Но – под его зорким доглядом.

Засада была классической. Вечером на пути движения банды в самом узком месте ущелья Васин разместил наш пулеметный расчет. Кроме станкового пулемета «Максим» мы взяли ручной пулемет «Льюис». На всякий пожарный случай.

ОГПУшник показал на противоположный склон ущелья:

-Там два пулемета. Когда банда выйдет на исходный рубеж, они первыми откроют огонь. Банда сразу ломанет вперед и влево. Прямо на вас. Тогда вы откроете огонь. Басмачи, конечно, ломанутся назад. А там их встретит эскадрон.

Ночью мы сильно промерзли, потому что от гудящего неподалеку водопада несло сыростью и холодом. Ноябрь и в Туркмении

ноябрь! Днем – жара, а ночью – собачий холод!
Чтобы согреться, мы ходили по узкому каменному пятаку,
заглядывая в зияющий чернотой обрыв. И думали:
«Как бы спросонья не сорваться!»

Поэтому, когда утро начало помаленьку тушить огромные звезды,
и горы проявились серой громадой, мы радостно оживились.

А вскоре увидели и басмачей, неспешно втягивающих в ущелье
свой караван.

-Видали? – окликнул нас невесть откуда возникший Васин. – Щас
начнется заваруха! Не спать!

Мирон удивленно посмотрел на меня, потом – на Васина:

– Не вижу басмачей! Там одни груженные верблюды.

Я вгляделся повнимательнее. Точно! Мой друг Мирон не ошибся.

Впереди на коне тихо ехал белобородый старик с берданкой в
руках. За ним, мерно раскачиваясь, верблюды тащили огромные
войлоки и палки от юрт. На ишаках ехали женщины и дети.

-Это не банда! – подтвердил я. – Басмачи пошли другим путем.

-Молчать, суки! Щас откроете огонь! – маузер ОГПУшника уперся
в затылок Мирону.

«Убьет ведь! Случайно выстрелит, когда пулеметы сверху
шарахнут!» – мелькнуло в моей разбитой башке.

Развернувшись на спину, левой ногой я подсек сапог Васина, а
правой резко ударил по его коленной чашечке.

Резкий удар отбросил ОГПУшника назад. Выстрелить он все же
успел, но не прицельно. Пытаясь вскочить, Васин матюкнулся и
завертелся волчком, завывая от боли. И не заметил, как
оказался на краю пропасти. Резко взмахнув руками, он выронил
маузер и рухнул вниз. Стремительный горный поток мгновенно
утопил его в своей жадной круговерти.

Наше оцепенение продолжалось всего секунду. Сверху по мерно
движущемуся каравану открыли ураганный пулеметный огонь.

Как и прогнозировал Васин, дико ревушие верблюды изменили
траекторию движения и ринулись прямо на нас.

-Не стреляй! – крикнул я. – Это мирные! Вчера таких
постреляли! Помнишь? Давай ближе подпустим. Если басмачей
увидишь, стреляй!

Но страшных вооруженных басмачей так и не появилось. Среди

ревущих груженных верблюдов видны были только женщины, дети и старики. Они остановились около нас и молча, без испуга смотрели на пулеметы.

Что делать?! Приказ ведь был всех расстреливать! Не выполним приказ, нас самих расстреляет ревтрибунал.

Думать было некогда.

Я встал и крикнул:

-Идите! Мы не стреляем!

Гельды, спрыгнувший сверху, перевел им на туркменский.

К нашему удивлению, старики повели соплеменников куда-то вниз, к водопаду. Люди, поднырнув под гремящие ледяные струи, быстро исчезли.

Эскадрон, подлетевший через минуту, нашел только ревущих верблюдов да ишаков. Ну и позади тянулась длинная вереница из овец.

-Где банда? – кричал разгоряченный комэск.

С неподдельным удивлением мы сообщили, что после пулеметных очередей сверху на нас вышли одни только верблюды. А басмачей не было.

«Парау-биби помогла, что ли? Скалу отворила землякам?» – подумал я и посмотрел на Гельды.

-Парау-биби! – лукаво улыбнулся он.

Позже он шепнул мне, что здесь, прямо под струями водопада, есть вход в пещеру. И пещера тянется до самого Ирана.

©Петр Туркестан

Çeşmesi: https://fabulae.ru/prose_b.php?id=116154&page=1.
23.06.2021ý. Nekaýalar